

Новации футуристов в оценке И.А.Бодуэна де Куртенэ и Р.Р.Бодуэн де Куртенэ

В.Н.Крылов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

футуризм, теория словотворчества, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Р.Р.Бодуэн де Куртенэ

Как отмечено исследователями, для русской литературной критики XIX века было характерно "постоянное, даже подчас придирчивое внимание к языку оцениваемых произведений" [Серебряная 2009: 62].

Не стала исключением и критика серебряного века, в этом аспекте практически неизученная. В это время, отмеченное глубоким преобразованием стихотворного языка, смелыми экспериментами в области формы, внимание к художественному языку многократно усилилось и в критике всех течений, и в среде профессионалов - языковедов.

Среди откликов на первые выступления футуристов заметно выделяются заметки И. А. Бодуэна де Куртенэ "Слово и "слово", и "К теории "слова как такового" и "буквы как таковой", опубликованные в газете "Отклики" (бесплатном приложении к газете "День") 20 и 27 февраля 1914 г. Наряду с названными статьями, мы привлекаем для анализа и забытое ныне выступление жены Бодуэна де Куртенэ Ромуальды Бодуэн де Куртенэ, писательницы, критика, выступавшей с критическими статьями в "Северном вестнике", "Вестнике знания" и в других изданиях.

Научная биография Бодуэна де Куртенэ включает его контакты с русскими футуристами и реакцию на их выступления. Реконструировать это позволяют такие дополнительные материалы, как воспоминания Б. Лившица "Полутораглазый стрелец", В.Шкловского "Жили-были" и другие источники.

В мемуарах рассказано о том, как он был приглашен в качестве председателя на "вечер о новом слове" в Тенишевском училище (8 февраля 1914 г.). В то время известный лингвист был профессором Петербургского университета. У него учились, сдавали экзамены Шкловский, Эйхенбаум и другие. Шкловский в мемуарах дает замечательный портрет ученого: "Бодуэн де Куртенэ – человек, задающий будущему не загадки, а задачи. Иду не как на экзамен: экзамены у Бодуэна де Куртенэ были легкие. Он хотя и задавал трудные вопросы, но не удивлялся незнанию. Огорчился прежней ложной учености и шрамам, оставшимся на теле языкознания от пут классической филологии, увлечения многотчием" [Шкловский 1966: 94]. Подчеркивая прежде всего оппозиционность ученого, Лившиц в воспоминаниях упоминает, что среди студентов он слыл "красным" профессором [Лившиц 1991: 156].

Эта оппозиционность проявлялась и в его научной деятельности: "Стремился он и к освобождению от книги во имя непосредственного наблюдения за живой языковой средой" [Шкловский 1966: 95]. Поэтому Бодуэн де Куртенэ не мог не заинтересоваться и футуризмом - течением, наиболее тесно связанным с приемами общего языкового мышления, которые они вводили в поэзию. Только, скорее всего, связь исканий выдающегося ученого, футуристических идей, а также их теоретического осмысления в русской формальной школе не всегда осознавалась в ту эпоху. В книге "Жили-были" Шкловский вспомнит о том, что Бодуэн де Куртенэ говорил на лекциях "о так называемой глоссологии, т.е. мнимом говорении на разных языках, которое присваивали себе мистические сектанты, в том числе ранние христиане" [Шкловский 1966: 96]. Бодуэн де Куртенэ заинтересовался манифестом А. Крученых и В. Хлебникова "Слово как таковое", а также их учением о "заумном языке". Если судить по мемуарам Б. Лившица, ученый не раз откликался на просьбы футуристов быть председателем на их вечерах. Приглашать почтенного профессора на футуристические вечера отправлялись Владимир Пяст и Бенедикт Лившиц. Свои мотивы этих приглашений они объясняли необходимостью заботы "о приискании председа-

теля диспута, так как полиция, умудренная опытом... вечеров, почти всегда завершившихся скандалами, не разрешала... выступлений иначе, как под поручительство почтенных профессоров, бравших на себя ответственность за могущие произойти беспорядки" [Лившиц 1991: 188].

Футуристам удавалось получить согласие ученого, используя его отзывчивость. Но вечер 8 февраля видимо, превзошел все границы благопристойности. Об этом лучше всего рассказал Б. Эйхенбаум в письме к Л. Гуревич (от 9 февраля того же года): "Я был вчера на этом "вечере о новом слове" в Тенишевском зале — и прямо страдал. Не могу сейчас отделаться от такого ощущения, как будто все во сне, в кошмаре. И такого кошмара не только не описать, но и рассказать нельзя. Выходили какие-то призраки, какие-то уроды с грубыми и крикливыми, как у хищных птиц голосами, кричали, ругались, издевались — и лгали, лгали без конца..." [Чудакова 1987: 136]. Самое интересное в этом письме-документе — описание неожиданной реакции председателя И.А. Бодуэна де Куртенэ: "Он был взволнован, голос дрожал. "Мое участие в этом многим кажется странным", — начал он. И говорил долго о том, что он, действительно поступил легкомысленно, что он представлял себе все это иначе, что он не успел ознакомиться с футуризмом настолько, чтобы предвидеть, к чему сведется "вечер о новом слове", что он чувствует себя смущенным и что присутствие его здесь совершенно неуместно. "Здесь нужен психиатр. Мы переживаем тяжелое, мучительное, пыточное время. Всюду психоз, всюду — вырождение" и т.д." [Чудакова 1987: 137]. Шкловский в мемуарах вспоминал бодуэновское участие в предыдущем вечере: "Бодуэн де Куртенэ встал и до прений произнес речь о том, что именно сегодня, в начале 1914 года, нельзя отрывать слово от смысла, как нельзя отрывать литературу от жизни. Бодуэн де Куртенэ говорил в лингвистических терминах... о том, что стоит за языковой политикой и как бесполезны и ничтожны попытки уничтожить языки, попытки подавлять нацменьшинства, говорил о мщении народов" [Шкловский 1966: 100-101].

Это описание поразительно напоминает то, о чем будет говорить сам ученый в упомянутых двух статьях-отзывах. Оценку Бодуэна де Куртенэ нужно рассматривать в контексте общих споров о футуризме, развернувшихся в самые первые годы существования нового течения. Статьи Бодуэна де Куртенэ четко выражают его методологию, лингвистические взгляды, эстетическое понимание художественности, публицистическую позицию. Он объясняет крайности словотворчества футуристов "беспросветным сумбуром и смешением понятий и по части языка, и по части искусства, сумбуром, насажденным в головах и школьным обучением языку, и безобразиями современной жизни" [Бодуэн де Куртенэ 1963,2: 240]. К этим причинам ученый прибавляет и желание некоторых чем-нибудь отличиться, "заменяя убожество мысли и отсутствие настоящего творческого таланта легким и ничего не стоящим сочинительством новых слов" [Бодуэн де Куртенэ 1963,2: 240]. Основная полемика направлена против установки футуристов "на увеличение словаря поэта в его объеме произвольными и производными словами (слово-новшества)" [Русский футуризм 2000:41], а также против их теории "заумного языка". В начале статьи "Слово и "слово" приводятся образцы таких "новых" слов. Бодуэн де Куртенэ говорит (с некоторым вызовом футуристам) о своей способности произносить целые ряды "заумных слов": "Но разве это слова? Разве это живая речь человеческая" [Бодуэн де Куртенэ 1963,2: 242]. С точки зрения ученого, слова и словосочетания должны ассоциироваться или сцепляться в человеческой психике "с представлениями известного значения" [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 242].

Целиком полемична и вторая бодуэновская статья "К теории "слова как такового" и "буквы как таковой". Объект полемики — известная декларация А.Крученых и В.Хлебникова "Слово как таковое", а именно, культ "буквы", "буквы как таковой". Бодуэн де Куртенэ не принял принципа визуальности в творчестве футуристов ("чтоб писалось и смотрелось в мгновение ока!"). Он полагал, что "связь "букв, т.е. видимых элементов языка писанно-зрительного, с поэзией чисто случайная" [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 244].

В статье обращается внимание на смешение в манифестах футуристов букв и звуков. Почти то же самое подметил и в процитированном письме Б. Эйхенбаум: "Настолько эксперимент этот механичен, что утеряна разница между звуком и буквой и провозглашен культ буквы. Футуризм — это музыка букв" [Чудакова 1987: 138].

Бодуэн де Куртенэ верно уловил противоречивость некоторых положений футуристических манифестов. В претворении теории "заумного языка" в практику сказались как достижения, так и потери. Одни футуристы (А.Крученых) доводили идеи манифестов до крайностей, другие опирались в своем словотворчестве на законы русского языка (В.Хлебников). Бодуэн де Куртенэ настаивал на том, чтобы новые слова в поэзии подходили "под известные свойственные языку морфологические строительные типы" [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 242].

Больше жизненный путь И.А.Бодуэна де Куртенэ не пересечется с футуризмом. В тот период времени было очень трудно осознать такие особенности авангардного искусства, как сознательный разрыв реальной связи между образами, как установку авангарда не столько на сообщаемое, сколько на сообщающее, обозначающее. Нельзя сказать, что мысли Бодуэна де Куртенэ по вопросу творческих исканий футуристов отражают только его оценку. Современному исследователю русского футуризма Ж.К. Ланну "образцовый приговор" Бодуэна де Куртенэ не кажется несправедливым [Ланн 1995:555].

Своеобразным дополнением и даже углублением оценки Бодуэна де Куртене стала статья Ромуальды Бодуэн де Куртене. Она строится уже не столько с привлечением лингвистических аргументов, сколько культурологических. В статье "Галопом вперед!" она рассматривает футуризм как "неизбежное и симптоматичное порождение современной культуры, когда "великие завоевания техники должны были неминуемо повысить оптимистическое и самодовольное настроение "новых людей" [Бодуэн де Куртенэ Р.1914: 350]. Выявляя некоторые отличия итальянского и русского футуризма, критик усматривает его в большей отвлеченности русских футуристов. По мнению Р. Бодун де Куртенэ, "эта отвлеченность" не позволяет будетлянам удовлетвориться "лишь теми новшествами, которыми удовлетворяются итальянцы, например, в области слова, лишь разрушением синтаксиса, они шагнули гораздо дальше — к разрушению слова — и к словотворчеству, к культу отдельных букв" [Бодуэн де Куртенэ Р.1914: 360].

Рассмотренный нами эпизод из научной биографии Бодуэна де Куртенэ позволяет высветить отношение представителя "старшего поколения" русской культуры к такому направлению в литературе, которое нигилистически относилось к классической традиции. Данный материал представляет немалый интерес как оценка языковых новаций футуристов известным лингвистом, тогда как подавляющая часть исследований принадлежит литературоведам. В будущей антологии критики футуризма должно найтись место и статье Р. Р. Бодуэн де Куртенэ.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды пообщему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

Бодуэн де Куртенэ Р. "Галопом вперед!" // Вестник знания. – СПб. – 1914. - №5. – С. 350 – 361

Ланн Ж.К. Русский футуризм // История русской литературы: XX век. Серебряный век.- М.: Прогресс – Литера, 1995. –С. 527-586

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. - Л.: Сов. писатель, 1991. – 720 с.

Русский футуризм: теория, практика, критика.- М.: Наследие, 2000.– 480 с.

Серебряная И. Б. Русская литературная критика первой половины XIX века и вопросы грамматической нормы // НОМО SCRIBENS Литературная критика в России: поэтика и политика.- Казань: КГУ. 2009. - С. 62- 66

Чудакова М. Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. - 1987. - № 1. - С. 128 - 162.

Шкловский В. Б. Жили-были. – М.: Сов. Писатель, 1966. – 550 с.